

Николай Бойков

ТАЙФУН МОЕЙ ЖИЗНИ

Памяти Л.И.

Мы опять куда-то летели. Неуютно и громко. Воздух в салоне был тесен от перепадов давления, гула моторов и глотательных судорог соседа в левом ряду. Кого-то он мне напоминал. Впрочем, все мы похожи на лица из прошлого. Попытки уснуть или изменить позу упирались в жесткость сидений и подлокотников. Самолетное кресло – самое тупое времяпревождение.

Но всякий полет в небеса – от Бога! Мы летели вдвоем. Она была рядом, и рука ее искала мои пальцы, нервно перебирая их. Я пожимал ее тоненькое запястье, успокаивая. Ее пальцы шевелились в моей ладони, как бабочка.

Сиденья проваливались и взлетали. Заклепки на длинном крыле подпрыгивали и разбегались за круглым стеклом. Если прижаться к нему лицом, то заклепки опять становились на место и в ряд, крыло уходило вперед, открывая ледник облаков и тень самолетика, маленькую и живую, далеко-далеко под нами.

Облака напоминали мне о войне. Молодые и веселые мы пели о пляжах, девушкиах и холодном пиве. Мы взлетали с Гуама, двенадцать часов полета. Бомбовоз перегружен боекомплектом, топливом и нами, откормленными дураками, бросавшими с неба кассеты с фугасом. Тысячу раз, наверное. Семь лет, с перерывами на отпуска, госпитали и шуточки докторов, вырезавших из меня обломки самолета, разрушенного при падении. Из этих обломков, казалось, можно было собрать фюзеляж с крыльями, может быть, забинтованный. Не люблю белый цвет, разве только на смуглых медсестрах. Ненавижу белые облака, в них скрыта война. В детстве я любил подставлять голову каплям дождя. Теперь все изменилось.

Умник из недр Пентагона догадался скрутить атмосферу в пружину, посыпав химическим реагентом, и бросить под ветер над морем. Пружина взорвалась петлей урагана, сметая и джунгли, и горы. Тонули быки, хижины и рисовые поля, всплывали заборы и шляпы, люди спасались на ветвях деревьев, похожие на муравьев. Ветви качались, как змеи, а змеи падали в воду.

Эффект был принят на вооружение, его назвали климатической бомбой, а нас стали посыпать в небо на поиски ее атмосферной агрессии. Лиц людей на земле мы не видели. Лица были у облаков. Мы давали им прозвища: Лев в прыжке, Волчья пасть, Дикий мальчик, Сердитая Бэтси. Они были мишенью: мы били по небу тугими гранатами, жгли жарким напалмом и фосфором, травили кислотами, ядами и оранжевой химией. Энергия неба и воздуха начинала дышать и раскачиваться, как белье на веревке. Ветер вытягивал в длинные струи: Волк превращался во Льва, Лев – в Мальчика, Мальчик плакал и рвался бежать. Их лохматые лица взрывались, сотрясая небеса и землю. Так рождался тайфун. Тайфун несся к земле, пугая лицом с одноглазой яростью. Глаз вращался, моргал и метался по небу. Небо икало и ахало. Гром раскатывался и раскатывал облако в ужас свистящих потоков, сверкая и трескаясь молниями. Воздух тропиков вздрагивал холодом ливней. Солнца не было, будто мир утонул и ослеп. Мы тоже терялись, слепыми и обреченными. Мы тонули, бежали, летели. Развернуть самолет! Долететь до земли! Сесть на поле цветов. Рядом с морем и баром... Где тихо и сухо. Мы прыгали из самолета на поле аэродрома, не дожидаясь трапа. Вжаться жадно в траву и застыть. Мы боялись взорваться. Мы сами дрожали живыми бомбами. Нас нельзя было трогать. Док говорил, что война, как похмелье, и лечится крепким виски. Мы хотели направить тайфун на вьетконговцев, а он гнался за нами. Он гонится до сих пор. Я бегу от него.

Прошло уже сорок лет. Иногда я смотрю на небо и разговариваю с облаками: «Вы забыли меня? вы простили? Я не знал, что творил. Война ослепляет. Ничто не уходит бесследно. Прошлое с будущим скрыты во мне

механизмом взвешенной пружины. Мы все на кого-то похожи. Облака – это тени ушедших. Кто там плачет о нас? Кто смеется над нами? А мы – для кого? Кто взорвет это небо сегодня?

Лысый в левом ряду опять наклонился к своим ладоням – то ли у него разболелись зубы, то ли он молится? Кому? Самолетам? Архангелам? Райскому саду?

Бабочка в моей ладони просит ее защитить.

Сейчас, когда мы вдвоем, я молю облака отпустить нас: пощади ее, Небо! Если ты догоняешь меня, то возьми к себе только меня. Бог мой, подумай! Ну, зачем тебе женщина? Она даже в аду найдет яблоко... Кто ты ей?..

Небо пружинило и раскачивало крылья усталого самолета.

Её пальцы опять волновались:

– Мы не упадем? – прошептала, щекотно шевельнув воздух у самого уха, будто кто-то открыл и захлопнул форточку. «В самолете бывают форточки?»

– Бог не уронит нас. – Сам подумал: «Разве могу я о Боге?»

Гул моторов вдавил нас обоих в кресла.

– Я положу тебе голову на плечо, ты не возражаешь? – Она нежно лизнула в шею и опять повернулась к стеклу, любопытная. – Опять заклепка на крыле дергается, смотри!

– Это иллюминатор с крылом дрожат в диссонанс.

– Все-то ты знаешь. Я спрячусь в твоей ладони, можно?

Ответов не требовалось, я и не смог бы ответить, все мои мысли подпрыгивали, как заклепочки. Бабочка была ласковой. Притаилась. Замыслила? Она умела придумывать и устраиваться рядом... А я?

Память работала под шум мотора. Год назад, когда я прочел в газете объявление: «...кинокомпании требуется консультант, желательно,

бывший летчик...», то и представить не мог себе бабочку в роли шефа. Я многое не мог представить, словно одна жизнь заканчивалась, а другая – могла ли быть?

Шефина мурлыкнула у моей шеи, будто спрашивала: «Опять про войну вспомнил?»

Я погладил ее ладонь:

– Все хорошо...

«Она вызывает во мне улыбку», – подумал.

Слова были лишними. Слова мешали соприкасаться, как одежды, которые мешают быть ближе. Их срывают и сбрасывают, оставляя природу и нервную дрожь. Так похоже на шелест падения яблока. – «Как давно не сидел я в саду?» – Бабочка обрадовалась, будто услышала и поняла. Прижалась и сжалась. – «Ребенок...»

Год назад я увидел объявление и пошел по адресу. Надежду обещала фраза «Работа для бывших летчиков!». Я постучал в дверь и вошел в другой мир: «Разрешите? – Входите». Пахло магазинной мебелью и тоненькой струйкой духов.

Время застряло на баррикаде вопросов-ответов и авторучке над белым листом.

Она сидела за широким столом, на котором лежали её очки. Она их искала, перебегая пальцами одной руки, будто по клавишам, в другой – держала мою анкету:

– Летали? Давно? Во Вьетнаме? Это же сто лет назад? – Очки взлетели на место – глаза сразу увеличились и похорошли. – «Так расцветало небо, когда мы вырывались из мокрой тучи и зависали над адовой бездной...»

– Мне шестьдесят, мэм.

– Не сто? Мой отец тоже был там. Хорошо сохранились для ветерана.

Спортсмен?

– Мальчишечка.

Она подняла на него глаза:

– Маль-чи-шеч-ка? – Произнесла по слогам, прислушиваясь к звукам.

– Звучит. – Пальцы опять пробежали по клавишам: – Не боитесь летать? А падать? Вас сбивали? Два раза? Это хорошо. Наверное, вы нам подойдете. Но не факт. Мы гоняемся за тайфунами. – Она прищурила взгляд, будто целилась. – Или они за нами? Не боитесь? А я ужасно боюсь летать. Бrr! Но летаю всю жизнь и фотографирую облака, представьте? Мечтаю загнать в кадр торнадо высотой в тысячу метров. Он гнался за мной один раз, не верите? Вы видели глаз тайфуна? Нет? Это такая карусель от горизонта и до горизонта смерть в радуге. Карусель обгоняет Землю, как колесо обгоняет машину, оторвавшись от неё. – «Представляю мой «форд» на трассе и колесо впереди скачет...» – Она бегло поправила прядь волос на лбу и воскликнула: – Ухх! Мой страх превратился в страсть. Понимаете? – Она смотрела прямо в глаза мне и улыбалась. – «Бабушка с шармом молодости. Разговорчивая. Наверное, ей не с кем поговорить дома? У людей увлеченных судьба обреченных». – У нас два самолета пропали во время съемок. А ведь мы летаем на «B-52», знаете? Нашли выгодный контракт с ведомством... – «Это они вас нашли, наверное, дурочка». – ...Бывший бомбовоз! Монстр! Размах крыльев... Ах, вы летали на вертолетах? Вам стоит увидеть тайфун, летчик...

«Смешная. Я сам делал тайфун. Два моих вертолета остались лежать за рекой, доторая. Я стал летать в стратосферу на монстрах. Нельзя вспоминать и рассказывать. Мы взлетали по команде зубастого Гарри, разворачивались в сторону океана, поднимались на высоту 15 тысяч, выискивая белое облако, которое напоминало мне белого верблюда с тоской в глазу. Гарри вскидывал вверх сжатый кулак: «Работаем!» И выстреливал веером все пять пальцев: «Готовы?» – Я тоже поднимал руку: «Готов». Мне не надо было оглядываться в глубину салона – я всегда был уверен, что химик улыбается и кричит, открывая рот безголосой рыбой. Крик его тонул в гуле могучих двигателей, но я знал наизусть все команды: «Оккэй, пайлот, садись на него!» – Я снижался на горб верблюда, будто архангел на будущего покойника, и делал отмашку: «Сбрасывай!» Гарри открывал затвор – порошок

вываливался из контейнеров ядовитыми кружевами, как хвост у дракона. Мы сразу старались набрать высоту и уйти подальше, делали круг-два, наблюдая со стороны и сверху. Фотографировали. Белый верблюд взбрыкивал длинными ногами и бежал от нас, будто его кусала под хвост кобра. Гарри крутил киноаппарат и вертелся около иллюминатора, как обезьяна на ветке. Верблюд падал и вскакивал, брызгал слюной и крутил хвостом, а потом притворялся ленивым и сонным – ложился, расползаясь по небу разноцветными тенями, разбухая каплями влаги и дыханием странного ветра. Ветер приходил ниоткуда. Небо проваливалось до самого океана, показывая полосы волн. Воздух обретал плотность и цвет: от белого к желтому, серому, синему… Глаз верблюда крутился, как колесо огромного насоса. Голова опадала вниз, в волны. Шея удлинялась, растягивалась, разбухала, будто верблюд упивался водой океана и всасывал волны и пену, поднимая их в брюхо и небо, наполняя огромные горбы и тучи. Верблюд пил океан. Небо становилось тяжелым и мокрым, раздутым, готовым взорваться и лопнуть. В этом тайна верблюда, военная. Тайфун – это такой бомбовоз, вместо бомб в нем заряжена тяжесть взбесившихся волн. Когда тучи напытятся и двинутся по небу в сторону берега, люди побегут прятаться. Это им не поможет. Нет спасения от тайфуна. Верблюд бежит со скоростью ветра и грохотом поезда, его не удержишь. Небо дрожит от тяжести выпитого океана и готово разорваться, лопнуть над головами, обрушится вниз Ниагарским водопадом. С неба! Это тысяча Ниагар. Горная цепь континентов размывается им, как холмик песчаный на пляже. Нет больше в небе верблюда, нет «рыжей бетси» или «кудрявого мальчика» – везде только смерть. Прячься. Прячься и плачь. Молись и терпи. Ожидание. Страшное. Бабушка-бабочка точно сказала: «Это надо увидеть!» Тайфун поднимает океан, как орел поднимает барашка, несет в сторону берега и роняет. Крик и кровь. Отвернуться и не смотреть. У нас только Гаррику нравилось: он ладонь поднимал ко рту, прикрывая оскал улыбки, и радовался. Боялся и радовался. Он химичил с тайфуном, будто

размешивал новый яд. Он знал свое дело. Он любил смотреть с неба на размытые муравейники улиц.

Часов через десять тайфун бывал на подъеме, мы влетали в его брюхо перпендикулярно потокам ветра проверить небесную бомбу на вес и смертельность. Воздух становился ребристым и жестким, будто самолет продирался сквозь джунгли. Крылья плыли в потоках воды, вспышках молний и темноте, неожиданной и мгновенной. Разряды электрической бури взрывались каскадами грома, странно покашливали между раскатами. Воздух со свистом уходил сквозь дыру в небе. Кислорода не хватало – хватало удушье. Небо крутилось и вздрагивало, будто кашляло и хрюпело. Гарри хохотал вместе с небом, ругался, крутился, крестился. Я слышал, как он прошептал: «Я – раскачиваю тайфун! Смерть обезьянам! В моем облаке мощность атомных бомб… Это сто Хиросим, может быть! Я убью всех…» За что он так всех ненавидел? За что он их так не лю-би-и-л… Ветер колотил наши крылья, и они изгибались, встряхивая фюзеляж и рассыпаясь заклепками. Нас полоскало водой, ураганный поток затопил небо. Мы не знали, куда нам лететь, а куда – падать. Молнии слились в сплошной световой треск и сияние, ослепляющее! Гарри лежал рядом с креслом, вцепившись в основание трубчатой ножки, желтые зубы его были стиснуты судорогой. Он хотел плакать, но струйка бежала из-под форменных брюк. Или самолет тонул в волнах неба? Гарри распахнул рот в беззвучном крике и показал мне большим пальцем вверх: «Оо-А!» Я потянул штурвал, задрожав всей мощью могучих двигателей – все восемь взревели хором. Крылья рвали намокшее небо и брызгали веером струй. Клочья туч ударялись в стекла кабины и сползали по нему, убитыми птицами. Глаза мои закрывались и лопались, под мышцами век и в потоках крови, будто ветки небесные хлестали меня по глазам, как колючки шиповника. Кроваво и больно. Я собрался на встречу с Богом, но самолет всплыл над тучами, тёмное стало светлым. Гром стал шипением воздуха из кислородной маски, в наушниках потрескивал голос аэродрома: «Всем! Всем! Всем! Тайфун смыл посадочные

огни и бетон... Мы в заднице от вашего порошка... Вы – покойники... Самолетам, которые в воздухе, Япония под водой, лететь... Спаси и храни вас... нас...» Треск, писк, тишина... Глаз тайфуна сиял тишиной и солнцем, внизу клокотали волны. Волны смывали зеленые джунгли, дома, вертолет рядом с джипом и нашу морскую пехоту из бара... Было весело. Киношники были в восторге от размытого кладбища и плавающих муравьев.

Мне нужно было найти работу. Я смотрел на бабушку и готов был поддакивать и соглашаться:

- Что вы говорите, мэм?
- Я говорю, что любой полет может стать последним, пилот. Вы готовы?
- Не стоит задумываться.
- Вы так считаете? Что напоминают вам белые облака, ветеран?
- Простыню в госпитале, когда ею накрывают лицо.
- Теряли друзей?
- Нормально. «*Мы славно кричали и много пропили... Но мы не любили...*», – пропел мысленно.
- Были ранены? Сбиты? Вьетнамцы вас пошерстили, да? Отец говорил, что мы потеряли три тысячи самолетов на той войне, верно?
- 3374 самолёта, мэм.
- Чем они вас сбивали? Бамбуковыми палками, что ли?
- Напрасно смеетесь. Мы летали огромными стаями, по тридцать – шестьдесят бомбовозов. В каждом – две тонны веса и восемь моторов на крыльях. Крылья дрожали. Небо дрожало. Две тысячи тонн напалма летели на головы им в течение одной-двух минут всего. Вьетнамцы нас даже не видели за облаками, мы их тоже. С высоты одиннадцати тысяч метров бомбы дырявили воздух. Со свистом. Непроходимые джунгли выгорали в лунный ландшафт. Не оставалось ни кустика. Нельзя убежать из ада – ни птицам, ни людям. Что они могли – босые, голые? Против нас они ничего не могли.

Против морпехов – много чего: копали ямы-ловушки, подвешивали ядовитых змей над тропами, устраивали засады. Сгибали бамбуковые стволы в арбалеты и стреляли по низко летящим вертолетам десантников – бамбуковый шест влетал прямо в кабину, в открытый проем пулеметчика, в лопасти, ломая атаку винтокрылых колесниц. Так погиб мой веселый брат: бамбуковый шест разметал его взвод над деревьями.

– Простите, пилот.

– Не извиняйтесь, мэм. Все отболело. Я ушел в бомбовозы и мстил. «Б-52» для того и создан – идеальный убийца. Мы летали ночами. Мы сыпали бомбы из самого богова брюха, и внизу рассыпалась лишь горсточка пепла. Кто мог встать перед нами? Бог разрешал нам. Но смерть догоняла и нас. Бомбовозы втыкались друг в друга, когда сбивались в кучу от страха потеряться в облачности. Мы роняли собственные самолеты на бетон аэродромов, обессилев от нервного напряжения. Полет от Гуама занимал 12 часов, плюс пять часов подготовки к полету: инструкции, карты, метеосводки и медосмотр. Нас изучали психиатры до и после полета. Психи в потных комбинезонах, психи в белых халатах. И тех и других накрывали медалями, белыми простынями и звездными флагами. Бог разрешил: убивать, умирать, ненавидеть и мстить – нам некогда было любить! И некого. Нам казалось, что это не главное. Вы знаете, что на войне главное? Выстрелить первым. Пока не проснулся страх.

– Какой страх?

– Что ОН выстрелит первым.

– Теперь это в прошлом, пилот.

– Мое прошлое в прошлом? Разве можно его из меня убрать?

Выпотрошить, как курицу? Без гула моторов в молодости? А представить без будущего? Без стакана в руке этим вечером, например? Не пройдет! Но стрелять я всегда буду первым! Хотя – это значит бояться каждого. Кого же любить, мэм? Я в небе теряюсь. Я звездному свету не верю. Этот свет затерялся в ночи, как война в моей памяти. Большая медведица, Парус,

созвездие Пса – они были живыми миллионы столетий назад. Их давно уже нет. Умерли и погасли. Звезды - пепел Вьетконга. Похоронная музыка неба. А тайфун – это джаз океана. Белый верблюд с печалью в глазах – вот что вижу я в облаке. Вот что я слышу. Вы помните музыку той войны, мэм? Вьетнамские ритмы и новый джаз. Новые песни: *Травка, пиво, порошок...* *Музыка барабана...* *Блюз, гитара, электрошок...* *Нам рано прощаться, рано...* *Рана болит, а сердце – хочет еще погреться...* *Грей, чернокожая змейка...* *холодной волной под сердцем...*

- Как вы легко все смешали, пилот. Музыка и война...
- Почему нет? Мы смеялись и пели, чтобы не сойти с ума. Помните песни Вьетнамской весны: *SearchandDestroy?* *Fortunate Son?* *Run Trough Jungle?* Новые песни и новые танцы в барах.
- *The Letter?* *SurfinBird?* Мы танцевали под эту мелодию в школе. – Она стала напевать: – *А-а-птица...* *Птица, птица-б это слово...* – Он пританцовывал, приглашая ее. – *Ты когда вернешься снова...*
- Все не так страшно, мэм.

Она вдруг умолкла и закрыла глаза. Повисла пауза. Он стал серьезен.

- У вас есть семья, ветеран?

– Зачем?

– Мой муж погиб... Он погиб на другой войне.

– Война – это место на карте. Война стала частью жизни, как ужин на каждый день. Кто сегодня насытился ею?

Она отложила анкету. Они рассматривали друг друга. Она могла быть его сверстницей, с тонкой шеей и глазами внимательной птички. Умные женщины с годами приобретают шарм. У нее была короткая стрижка, под мальчика, одна бровь поднималась чуть выше другой, удивленно. Она попыталась сменить тему и сделала на лице улыбку, получилось грустно:

– А мне облака напоминают белые тени пустыни. В полдень тени становятся белыми, знаете? Мы с мужем работали в Северной Африке. Мы были счастливы. Вы летали в пустыне?

- Мои пески были красными.
  - Простите.
  - Да, бросьте вы так трагично. С прошлым надо прощаться легко, уходить подальше. Иначе, оно обязательно в вас застрянет, как последний фугас в бомбюке.
  - О чём это вы, ветеран?
  - Извините, задумался. Вспомнил слова.
  - Какие слова, пилот? Вы о чём?
  - Надо забыть войну.
  - Разве вы это можете?
- Он промолчал. Она смотрела в упор.
- У вас лицо сейчас, будто вы его где-то украли.
  - Правда? А так? – И он подмигнул ей.
- Она удивленно повела одним плечиком и съязвила, протягивая конверт:
- Что за подмигивание в вашем возрасте? Читайте контракт и приходите завтра, или позвоните, если передумаете.
  - Согласен, сегодня, – произнес он, пытаясь прикрыть веко ладонью.
  - Не понимаю. Лень читать или контужены?
  - Зачем читать? Все контракты – обман. На двери написано «Нужен консультант-летчик». Я вошел. Заполнить анкету – заполнил. Не кокетничайте передо мной плечом и шейкой. Подумаешь, были в пустыне? А я сбрасывал реагенты на белое облако, и оно превращалось в поток грязи. Не деревня тонула в дожде, не деревья взлетали в небо, а целая страна гор, обезьян и людей провалилась в прошлое. Вся! Их нет. Там даже черви не ползают.
  - Что вы хотите сказать? Вы испытывали во Вьетнаме?..
  - А то вы не знаете? Думаете, что вы снимаете кинофильм? Вы думаете, что фотографируете облака, мэм? Кто вам платит? Кто дает самолеты? Полмира сидят за столом войны и едят муравьев из другой

половины. Откройте глаза и заткнитесь о счастье. Мир работает на войну! Вы регистрируете модели климатических бомб. Помогаете выбрать лучшую, чтобы убить всех и сразу. Нюхом чувствую. Кто-то другой посыпает облака пеплом. Мы погаснем, как звезды. Мы уже улетели. Наши следы еще здесь, а сами мы – кольца на небе. Давили комарика пальчиком, мэм? А, может, он посланец другой Галактики? Может бы-ить, мэм?

– Кто вас прислал? Откуда вы?

– Не бойтесь. Я сам по себе. Берите меня на работу, а? Вам – мальчишечка в возрасте папы, а мне надо риска и виски. – Он опять подмигнул.

– Зачем вы подмигиваете?

– Неприятно?

– Как кот. Неприятно.

– Правильно. Кот облезлый. Подмигиваю, когда вижу красивых женщин.

– Вы что себе позволяете?

– Не так поняли. Это нервное. Я подмигиваю, как другие хромают. Контузия. Понимаете? На работу это не повлияет. В крайнем случае – посмеемся. – Подмигнул опять. – Может, я вам понравлюсь? Вам не хватает ласки. Я вижу. И я ее за всю жизнь не истратил – ласка во мне, как торпеда под брюхом. Рвется в бой!

– Подписывайте! – голос ее стал металлическим. – Я вас беру...

– Звучит, как приговор?

– А это и есть ваш приговор!

– Я рад. – Глаза его улыбались. – Простите? – Он показал на глаз, который уже не дергался.

– Прощаю.

– До завтра?

– До завтра.

– Может, встретимся вечером?

– Вы наглец!?

– Я летчик, дорожу каждой минуткой, – он улыбнулся, вызывая её на улыбку.

– Серьезней, пилот.

– А зачем?

Она подумала «зачем» и, совершенно неожиданно для себя, подмигнула. Он глазам своим не поверил и ляпнул, как в молодости:

– Заходим на аэродром, мэм! Открываем бомблюк – выпускаем шасси.

Все стало просто. Они неделями сидели в темном кабинете, просматривая тысячи метров старой кинопленки, или играли мышками перед монитором, роняя из темноты на экран сотни слайдов, как карты из колоды – выбирали места для съемок, ракурсы, цвет, время суток. Реже – летели на край Земли, чтобы увидеть природу и людей рядом, почувствовать живой воздух и тесноту гор. Прошлое уходило из него, как уходит весной ночной холод. Он стал улыбаться, не прятать ладонью мигающий глаз, да и глаз стал вести себядержанно, так что «мэм» его спрашивала, огорчаясь: «Я перестала нравиться? Твой глаз перестал реагировать?» Приходилось пускать в дело руки и губы, чтобы ее успокоить. Они проникали друг в друга, пронзали мгновенными токами, перетекали, опустошая себя и наполняясь снова. Счастливые сутки в провинциальных отелях, с красными занавесками и аэродромом постели, облаками отброшенных простыней и остатками ужина на подносе. Ночь за окном, луна в тумане, роса капает. Тихо и честно. Ей нравилось трогать его напряженное тело – тело разглаживалось, расслабляясь. Вместо пресса появлялся животик, а вместо сурово зажатых скул – глупый мужик. Почти собственный. Просто и нежно. Стекла на окнах слезились, по стеклам слезилась луна. Он боялся уснуть, будто боялся потерять ее: «Бабочка...»

Он боялся моргнуть, чтобы не улетела. Она любила засыпать и просыпаться на его руке.

Он не спал. Война вошла в него прочно, как горячий осколок. Когда это было? Заканчивалась третья его командировка на Гуам. Они возвращались на базу, удачно опорожнив бомбовоз. В наушниках бился Вагнер – «Полет валькирий». Самолет подпрыгнул на посадочной полосе. Застрявший в бомблюке и никем незамеченный фугас рухнул на бетон меж колес и побежал быстрее самолета, считая секунды, и рванул под фюзеляжем все свои двести пятьдесят килограмм заряда, каждому живому по кусочку, на память. Бог разрешил.

Я старался не смотреть на дугу горизонта, по которой ползли облака. Они начинали закручиваться в спираль. Под ним наша база с посадочными огнями. Обычное дело и танцы циклона. Небо – хранитель жизни, а приближение к тайнам опасно. Все меняется. Завтра Гарри придумает самолет без экипажа, бомбу без самолета. Бомбай станет вулкан, айсберг в море, обезьянка на ветке. Взорвутся без нас. Против нас. Земля улетит, как мыльный пузырь из детства! Пилот не увидит посадочной полосы на месте. Радист не услышит Вагнера. Куда мы летим, Гарри? Куда нам садится? Фантастика черного дня?

Я вспомнил веселого Гарри – его жест рукой: «Ты готов?». Я был готов, но руку не поднял в ответ – боялся потревожить бабочку.

Я погладил ладонь спутницы и убрал ее голову с моего плеча. Она, наконец-то, измучилась и уснула. Я остался один на один с прошлым, которое приближалось. Кольца меняли цвет и подтягивались, догоняя. «Охотница за тайфунами» погружалась в сон про мужчину и женщину и улыбалась.

Самолет летел ровно и долго. Облака в иллюминаторе стали голубыми. Далеко-далеко сине-красное небо зажигалось звездами. Прошлое не отпускало, так ноет осколок, ворочаясь в шее.

Моторы гремели оркестром и пели «Полет Валькирий». Музыка служила войне. Мы взлетели отдельно, один самолет. Нашли свое облако и погнали его на Вьетконг, посыпая обильно порошком реагента: «Прикорми его, Гарри!». Облако росло на глазах. Синоптики дали тайфуну название Джейн, хорошая девочка. Она обняла нас так цепко, что мы еле успели уйти от ее поцелуя. От Манилы до Пакистана и от Токио до Коломбо тонула земля, корабли, города. Конгресс был впечатлен докладом и кадрами фотопленки. Мы подняли расценки войны. Ордена серебрили головы. Климат был в наших руках, он стал управляем, как струя в душевой кабинке. Это забавляло. Я был одним из тысячи, кому посчастливилось пить за авиацию. Гарри позировал журналистам. Лунный ландшафт на месте вчерашних джунглей нравился режиссеру.

Слава Богу, что все это в прошлом.

Я боялся пошевельнуться – она спала. Защорил иллюминатор и закрыл глаза. «Еще час полета», – подумал. Но ветер догнал нас. Все изменилось. Самолет тряслось, будто он прыгал по склону большой горы. Освещение мигало. Молнии в иллюминаторах почти не гасли, а грозовые разряды, казалось, взрывались прямо в салоне: под ногами, меж креслами, рядом с ухом или над головой. Искры сыпались по салону и плавали в воздухе шаровыми молниями. Вокруг нас кричали и плакали. Она вжалась в кресло и не отпускала мою ладонь.

«Бог мой милостивый! Забери меня в небо, а девочку отпусти. Я буду служить тебе верно и долго. Я избавлю тебя от бомб и тайфунов. Я знаю: тебя обидели. Бог мой, прости нас. Ты же можешь простить? В тебе есть твоя сила прощать нас, ослепленных войной, страхом, болью. Прости нас. Верни ей счастливое Солнце. Согрей мою Бабочку. Дай ей любви и заботы. Я

много прожил, но не смог полюбить. Только делаю вид, что люблю. Бог мой, дай полюбить тебя. Ведь и ты – одинокий! Прости. Не война обезлюдила мир, а потеря любви. Но и ты – полюби. Бог на небе – спустись к муравьям своим. Как выглядит человек, созданный тобой и подобию твоему? На кого он похож? На деревья? На облако? На... Почему она дышит мне в шею, щекотно и ласково? Я люблю, что она на ладони и бабочка. Может быть, я люблю? Сохрани ее, Боже! Согрей...

Самолет задрожал, продираясь сквозь льдистое облако. Гарри был где-то рядом. Может быть, на сиденье слева? Почему мы так долго летим? Это прошлое? Будущее? Небо бьется за жизнь? Против нас, будто мы ему стали врагами? Я не враг тебе, небо!

Тайфун терял силу. Солнце жаждало греть, но не знало кого. Я хотел защитить Бабочку, но я не знал – как. По небу метались тени. Заклепки опять подпрыгивали. Вода заливала и капала. Я закрыл глаза.

Прошла вечность. Бабочка спала и вздрагивала. В иллюминаторе качалось солнце. Женщина почувствовала тепло и спросила, не открывая глаз:

- Солнце? Небо не уронило нас?
- Самолет наш похож на крестик.
- Значит, Бог нас простил?
- Небо умное.
- А мы с тобой?
- Мы ленивые...
- Я не ленивая. Это ты живешь по инерции.
- Ты мудрая.
- Намекаешь на возраст? – Она прикрылась от яркого света. – Ну, и пусть. Возраст торопит радоваться. Помнишь, ты говорил, что так живут летчики. Помнишь? Я учусь у тебя разным глупостям! – Она потянула губы

и целовала воздух. – Смотри! Это облако... Белое! – Показывала в иллюминатор: – Видишь? Оно нас не тронуло!

Моторы гудели. Я вспомнил старую песню:

Белое. Белое. Облако. Поле аэродрома.

Моторы гудят, как колокол. Небо над нами огромно...

Мне казалось, мы поем ее вместе. Двадцать глоток моего экипажа и бабочка-шеф... Мальчишки с погонами – хулиганили, падали, ранили... Где риск, а где глупость? Где долг, а где грязь? Повторяется. Прошлое с будущим перепутались. А когда это было иначе?

«Боже! Пусть живет это облако. Согрей мою бабочку! Как мы долго летим к нашим глупостям... Глупости. Глупости. От... пусти! Самолет идет на посадку. Колеса бегут по бетону. Сейчас смолкнут двигатели и откроют люк... Неужели все кончилось? Мир, война, облако...»

Замерло. Люк открылся хлопком, потянуло прохладным воздухом. Стюард приглашает на выход. Люди шуршат между кресел. Оглохли в полете. Пора. Пора выходить из прошлого: «...пять, четыре, три...» Похожий на Гарри – где он?

Каждый выход из самолета – вариант новой жизни. Из прошлого в будущее, как из салона на трап. Шаг... Самолет снаружи еще влажный. Я взял шефа под ручку, она опять в ладони. Ни вопроса, ни слова. Пальчики музируют, как тогда, за столом, в поисках очков. Делает первый шаг по бетону, легкими движениями снимает с себя усталость и страхи полета. Все, что было меж нами – останется тайной. У мужчины за семьдесят и женщины рядом с ним, всегда есть что-то сближающее. Бабочка моих снов. Вот она освоилась с каблучками, поцокивая и покачиваясь. Вот тряхнула головкой, возвращая прическу. Вот повела плечиком и прошептала: «Как я выгляжу?»

... Женщина. Шеф. Шахиня в царстве белых облаков и верблюдов.
Мечта летчика. Тайфун моей жизни.